

О Р У Ж И Е С М Е Х А

КОГДА-ТО, во времена Гоголя, существовал взгляд на комедию, как на низкий жанр. «Что смешно, то низко, говорит свет: только тому, что произносится суровым, напряженным голосом, тому только дают название высокого», — с сердцем заметил писатель в своем «Театральном разезде после представления новой комедии». Более ста лет прошло с тех пор, сменилась целая историческая формация, а отголоски подобного взгляда на комедию, как на искусство, в общем-то второсортное, еще приходится порой слышать и в наши дни.

Мне очень дорога мысль Гоголя, что смех «весь излетает из светлой природы человека», что цель комедии так же благородна и высока, как и цель самой что ни на есть серьезной драмы; борясь за нравственное очищение человека, она, комедия, активно служит передовым идеалам своего времени.

Мы привычно употребляем гоголевское выражение «смех сквозь слезы», имея в виду лишь ту горечь, которую испытывает художник-патриот перед лицом обнаруженных им социальных пороков. Это — одна сторона дела, но она не единственная. Гоголь как бы уравнивает между собой смех и слезы, подчеркивая, что то и другое стоит в одном эмоциональном ряду. Слезы, навертывающиеся на глаза сатирика, могут быть и слезами восторга и умиления, могут вызываться окрыляющим сознанием, что порок «уже угадан и что по поводу его уже раздался смех» (Салтыков-Шедрин).

Воздействие комедийного искусства многообразно, многослойно. Все знают, что комедия приносит пользу, обнаруживая зло и возбуждая к нему ненависть. Реже учитывают, что комедия дает людям необходимую зарядку бодрости, что смех приносит радость, не побоюсь сказать, наслаждение. Еще важнее отметить, что комедия воспитывает достоинство в советском человеке, заставляет его острее ощутить свое превосходство над пигмеями и уродами, выставленными на посмешище. «Смех — родной брат силы», — говорит народная поговорка.

Русский человек во все времена умел любить и ценить смешное. Юмор присущ нашему национальному характеру, он заявлял о себе в самых разных исторических обстоятельствах — и когда нужда и обездоленность царили кругом («Кому на Руси жить хорошо»), и в условиях революции, вызвавшей к жизни юмор невиданной чистоты и сочности (вспомним юмор и сатиру В. Маяковского, «Любовь Яровую» К. Тренева), и в тяжелых испытаниях войны, породивших Василия Теркина как народного героя. Как же нужна комедия сегодня, когда во всем нашем Отечестве от края до края идет великое созидание, гигантская очистительная работа, борьба с тем (я снова цитирую Гоголя), что «позорит истинную красоту человека»? Как отвечает этот светлый смех задачам коммунистического воспитания, того высочайшего морального кодекса, по нормам которого переустраивается человеческая душа?

Я перебираю в памяти большие партийные события последних лет. Едва только они затрагивали сферу искусства, возникал разговор и о том, как нам лучше сражаться с пережитками прошлого, смелее их изобличать; как такое сражение «нужно для коммунизма», говоря словами Владимира Маяковского.

Об этом шла речь на историческом XXII съезде партии, это нашло свое отражение в новой ее Программе, об этом говорил Н. С. Хрушев на совещании тружеников сельского хозяйства Целинного края, к этому нас призывали на памятных встречах руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией, та же мысль прозвучала в прошлом году с трибуны июньского Пленума ЦК КПСС.

Теоретически вопрос как будто ясен. А вот практически... Практически все еще нередки случаи, когда у только что родившегося комедийного произведения оказывается далеко не легкая жизнь. По видимости у комедии нет противников. Все — за. Но боязнь сатирического обобщения существует и делает свое дело, побуждая некоторых работников к пугливой перестраховке.

ИЗВЕСТНО, что шедевры вырастают на почве изобилия. Известно также, что высокая комедия требует для творческого самовоспитания художников. Чаплин начал с того, что с ловкостью фокусника кидался пирожными, а кончал зрелыми философскими фильмами, с огромной сатирической едкостью обличающими буржуазный образ жизни. Антоша Чехонте достаточно резко отличается от позднего Чехова — автора «Вишневого сада», но от этого ранние юморески писателя не утратили своего обаяния. Нужны все формы и виды смешного, все жанры искусства комедийного. Одно условие: чтобы в произведении «легком» звучала общественно полезная мысль, а подлинная сатира избегала назидательного нравоучения и сохраняла свою комедийную звонкость, рождаемую нравственным превосходством художника над обличаемым врагом.

Критиковать водевилей за то, что он «легковесен», упрекать шутку за то, что она не несет в себе важного жизненного урока, сражаться с юмором в юмористическом произведении — все это представляется мне величайшим ханжеством. Напротив, нужно выявлять и фиксировать даже крупницы художественных достоинств в вещах этого рода, появляющихся на сцене и на экране, — иначе не будет у нас изобилия. Взять, например, уже знакомую нашему зрителю кинокомедию «Штрафной удар». И в сценарии В. Бахнова и Я. Костюковско-го, и в режиссуре фильма есть отличные комедийные ходы, блестящие дорожки юмора, и этому нельзя не порадоваться. Но, когда я сравниваю «Штрафной удар» с такими достоверными, выросшими из самой жизни (и тоже ведь «легкими») фильмами, как «Неподдающиеся» и «Девчата», я вижу, что первая картина надумана, что в ней, как говорил Салтыков-Шедрин, преобладает «наружный комизм». Право же, «проблема» переманивания хоккеистов из одной команды в другую мелковата даже для легкой комедии! Вовлеченный в «узкое ущелье частной завязки» (Го-

Игорь ИЛЬИНСКИЙ
Народный артист СССР

голь), фильм утомляет обилием комедийных злоключений героев, и кажется, что с экрана тянется в зрительный зал рука, просящая о смехе, как о подаании. Конечно, меня больше всего волнуют судьбы высокой, общественно значимой комедии, той комедии, служить которой русские писатели от Грибоедова до Маяковского почитали своим нравственным долгом. Грустно сознавать, что в искусстве драматическом по своему характеру лидируют такие сильные произведения, как спектакль «Совесть» и фильм «Все остается людям», а в области комедии пока что «Осторожно, бабушка!» на экране и «Чемодан с наклейками» на сцене.

Наша критика уже отметила, что спектакль «Совесть» в Театре имени Моссовета проникнут подлинной гражданской страстностью. Он без пошлости бичует косность, равнодушие к живому делу, очковтирательство, оглядку на вчерашний день, в чем бы она ни проявлялась. А ведь это все — наши темы, наши прямые объекты, заслуживающие изображения сатирического.

Еще Бернард Шоу объяснял, что сатирическая пьеса — это чаще всего пьеса неприятная. Комедия должна обижать, в противном случае она не достигает цели. Если ювеналов бич приходится лишь по «неполадкам в продпалатке», как сказано в одной пьесе, то и поднимать его вроде не стоило. Критика половинчатая, робкая, с оглялочкой, стремящаяся заранее учесть лукавые доводы возможных перестраховщиков, и пользы не приносит, и живет нелогично, и зрителя взволновать не может. Как раз в такой-то критике чаще всего слышится нечто нечестное и фальшивое — светлого смеха здесь нет. И наоборот: чем прямодушнее художник, чем непримиримее борется он со злом, чем яснее его нравственная позиция, тем больше шансов, что гневное слово критики дойдет до сердца народа. Мне жаль, что традиции Маяковского, который именно так понимал права и обязанности сатирика, худо поддержаны современной комедией.

ИТАК — высокая гражданственная комедия. Какой она будет, какой должна стать, чтобы ответить грядущим требованиям? Конечно, этого мы не угадаем. Мы будем плутать в теоретических дебрях, пока не явится на свет мощное сатирическое произведение, способное продиктовать искусство свой эстетический канон. Но для того, чтобы такое произведение явилось, нужны, по моему, минимум три условия.

Во-первых, я убежден, что «чистый» жанр, комедия, как таковая, не несущая в себе никаких иных элементов, обречена на вымирание. Не проверенные комедийные приемы, от которых всегда отдает ремеслом и оглядкой на западные образцы, а полнота самой жизни, где есть и смешное и печальное, захватывает сегодня. Смешить во что бы то ни стало, не давая зрителю передышки, не позволяя ему задуматься, вздохнуть, погрустить, — это, кстати, и не в русской традиции. Даже «Ревизор» тяготеет к трагикомедии; я уж не говорю о таких произведениях, как «Горе от ума», «Горячее сердце», «Вишневый сад», на титульном листе которых авторы начертали слово «Комедия».

Не боялся драматических вкраплений и Маяковский: у него через фантазмагорию «Клопа» проходит скорбная тема Зои Березкиной, а в «Бане» краски сатирически-сгущенные соседствуют с прямой политической лирикой. Таковы же и лучшие советские образцы жанра; многие из них — «Аристократы» Н. Погодина, «Интервенция» Л. Славина, «Фронт» А. Корнейчука — хочется назвать героической комедией. Если произведение вырастает из жизни, а люди взяты во всей общирности их повседневных дел, интересов, забот, пусть в нем звучат мотивы серьезные, драматические, — это только поможет выявить истинный комизм ситуации.

Второе, с этим связанное. У нас часто спорят: нужны ли комедии положительные герои или можно представить себе спектакль и фильм, где действуют, разоблачая себя, одни сатирические персонажи. Рецептов здесь нет, разумеется; такая комедия может родиться. Но то обстоятельство, что давний этот спор так и не получил разрешения в практике, само говорит за себя. Я думаю, что комедия сплошь сатирическая не приживается у нас не случайно — она требует искусственного отгораживания отрицательного от тех положительных начал, которые их окружают. Ополчение прогрессивных сил общества на отмирающее — норма нашей жизни, чего не было во времена Гоголя; в правдивой комедии эта норма всегда найдет себе место.

Но положительный герой комедии — это все-таки герой комедии. Беда, когда он риторичен, сух, ходулен, нравоучителен, когда он уступает сатирическим персонажам в объемности и остроумии. Тогда он, попросту говоря, не нужен, лишенный художественной силы образ «не работает» в нужном направлении. А сколько таких «положительных схем» в наших современных комедиях!

Наконец, третье. Трудное дело — найти правдивую развязку комедии, она же, в сущности, и авторский вывод из сказанного. Законно, что в наших пьесах порок наказан, а зло разоблачено, это опять-таки норма самой жизни, которая нашла свое отражение в искусстве. Но как же плохо, когда, подчиняясь этой норме, комедия разрешается формально: кого-то снимают, кого-то вновь водворяют на место, кто-то восстанавливает справедливость, пользуясь полномочиями должностными, а не художественными! Когда я сталкиваюсь с таким формализмом финалов, я всегда вспоминаю Маяковского — сумел же он развязать свои пьесы, не прибегая к избитым приемам: мешанин Присыпки, навеки заключенный в клетку зоосада, бюрократ Победоносиков, которого «переехало временем», — вот образы, олицетворяющие собой приговор зрительного зала.

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ мне первейшим долгом сатирика? Это, кстати, и самое интересное. Обличать порок в его новом наряде. Пороки

стары и живучи. Тщеславие, карьеризм, корыстолюбие, ложь, ханжество, зависть существуют, кажется, с тех пор, как мир стоит, но с каждым новым историческим периодом они меняют свой облик. Еще одна примечательная черта нашего времени: явление отрицательное по своей сути вынуждено тщательно маскироваться под положительное, иначе ему не прожить в Советской стране, среди советских людей. Так разве это не почетная задача — срывать маскхалаты с хапуг и службистов, собственников и рвачей, проникать в способы их мимикрии?

Меня не раз спрашивали, зачем через полтора десятка лет после выхода в свет кинокартины «Волга-Волга» мне понадобилось играть Огурцова в «Карнавальную ночь» — ведь в первом фильме уже был сыгран Бывалов, образ более масштабный, бюрократ более дремучий. Но в том-то и дело, что мой Бывалов прожил, как говорил Маяковский, пятнадцать лет вперед и стал Огурцовым, таким же дураком и чинушей, но порядком пообтесавшимся, набравшимся «нужных» слов, человеком, «брошенным на искусство» и иступленно стремящимся вогнать его в прокрустово ложе стандарта, лишит души (Бывалов, как мы помним, просто-напросто отрицал искусство и тупо, бессмысленно боролся с ним). Эта-то разница и побудила меня сняться в фильме «Карнавальная ночь».

Нет категории более живучей, чем мещанство. И в свое время фильм Я. Протазанова «Закройщик из Торжка» был неплохим оружием в борьбе с ним. Но когда сегодня я смотрю картину, в которую некогда вложил немало любви, янимаю всю меру ее наивности. Сегодняшний мещанин не таков, меньше всего он привержен к кружевным занавескам и фуксам, в его доме полированная, низкая мебель-модерн, разноцветные стены и пол из пластика, он интересуется абстрактной живописью, пьесами Ионеско, «конкретной» музыкой, он похлопывает по плечу классиков и снисходительно цитирует «старика Толстого». И все-таки он мещанин с головы до пят, только в импортном, модном одеянии.

Не приходилось ли вам встречаться с перестраховщиками, которые проявляли завидную «смелость» в анализе причин, почему то или иное произведение, тема, мысль в наших условиях «непроходимы»? С подхалимами, которые резко выговаривают начальникам, что те мало заботятся о своем здоровье? С тунеядцами, которые «горят на работе», развивая деятельность столь же активную, сколь и пустопорожнюю? А ведь все это — темы сатирической комедии, характеры, самой жизнью предназначенные для нее.

Есть ряд организационных мер — если они будут приняты, я думаю, что это принесет пользу. Поговаривают о создании специального объединения комедийных фильмов. Стало быть, соберутся единомышленники, остроумцы, друзья. В таком содружестве порой самоорганизуются сюжеты, возникает добрая товарищеская подказка, цепная реакция острых слов и метких анекдотов, среди которых иные так и просятся в комедию. Иначе сказать, дело хорошее. Нужна и специальная мастерская в Институте кинематографии, которая готовила бы артистов комедии. Наконец, хорошо бы силой общественного мнения, что ли, не отпущать из комедии ее мастеров; а от нее уже отошли Г. Александров, И. Пырьев и Б. Барнет. Не пестуем мы и комедийных актеров. Таковыми талантами, как Юрий Белов, Юрий Никулин и Леонид Харитонов, Надежда Румянцева и Семен Морозов (исполнитель главной роли в фильме Р. Быкова «У семи нянек»), надо дорожить, специально для них ставить фильмы. Если подумать, можно и еще кое-что сделать в том же направлении.

Но даже самая лучшая из этих мер не решит вопроса кардинально. Надо создать условия, благоприятствующие развитию комедии. Добиться, чтобы искусство комедии никому не казалось опасным делом. Чтобы «светлый смех» самоотверженно, безрасчетно, полно служил народу, строящему коммунизм.